

Антология живой литературы

ЦВЕТ АЛЫЙ

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия

Санкт-Петербург

2013

УДК 82-822
ББК 84(4Рос)

Антология живой литературы

ЦВЕТ АЛЫЙ

При оформлении книги использовались работы Евгения Вишневого.
Сайт художника: *www.genvish.com*

Ц 27 Цвет алый. Антология живой литературы — СПб.: Издательско-
Торговый Дом «СКИФИЯ», 2013. — 400 с.

ISBN: 978-5-00025-008-2

© ИТД «СКИФИЯ», 2013

© Коллектив авторов, 2013

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О проекте

Проект «Антология живой литературы» призван собрать под одной обложкой все возможные (и невозможные) литературные жанры малой формы, от прозаических миниатюр до графической поэзии.

Мы хотим донести до читателя творчество талантливых авторов, даже если оно не вписывается в рамки существующих литературных жанров или не вполне подпадает под определение «литературы» (например, стихотворения/миниатюры с рисунками).

Мы считаем, что каждый достойный современный автор должен иметь возможность быть услышанным своим читателем, — и именно поэтому издательство «Скифия» открывает книжную серию «Антология живой литературы».

Издательство «Скифия» приглашает
талантливых авторов со всего света к участию в проекте
«АНТОЛОГИЯ ЖИВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

На конкурс принимаются произведения
всех известных и неизвестных миру жанров малой формы

пьесы
рассказы
миниатюры
стихотворения
графическая поэзия
художественные переводы

Tous les souvenirs de
O mes amis partis en guerre
Jailissent vers le firmament
Et vos regards en l'eau dormant
Meu rent mélancolique ment
Où sont-ils Braque et Max Jacob
Dorain aux yeux gris comme l'aube
? Où sont Royal Billy Dalize
mélancolisent
Dans une église
Comme des pas qui s'engagent
Où est Cernuliz mortis déjà
Peut-être mon âme est pleine
De souvenirs pleure sur un pain
Le jet d'eau

Заявки на участие в конкурсе принимаются по адресу

skifiabook@mail.ru

Палитра звуков

Евгения Матвеева

Евгения Онегина

Ольга Редекон

Евгения Матвеева

г. Москва

День донора

Город только потягивался — не то от тоски, не то ото сна — и хрустел костяшками домов и домиков, выстроившихся потертой грязно-белой шеренгой. Они готовились прозвенеть тысячей будильников, загреметь сковородами и чайниками и протяжно зевать резиновыми ртами заводных жильцов.

В это время Саша уже шел по Суетной улице, посасывая сладкий сухарь, испещренный подозрительно блестящим для столь раннего часа изюмом. Он прилипал к зубам, стараясь найти укромный уголок и спрятаться от ритмично стучащих челюстей. Устав вытаскивать изюмины изо рта, Саша стал выковыривать их из сухаря и умело отщелкивать в сторону проезжей части. Они отскакивали от припыленного асфальта и проворно скрывались в траве. Наконец последний кусок сухаря был проглочен. Хотелось пить, но до первого глотка было еще часа три-четыре, как повезет.

Дорога вильнула за угол, и Саша последовал за ней, попутно стряхивая крошки, устроившиеся на воротнике бледно-зеленой рубашки, на ребрах молочно-белых пуговиц и даже на ремне, прихватывающем льняные брюки песочного цвета. Брюки чуть покалывали кожу и заставляли идти дальше.

С каждым шагом становилось теплее, солнце все больше распаялось, лучами прорезая глазурно-синее небо. По обе стороны тротуара выросли

яблони, липы и клены, чьи кроны солнце еще не могло пронзить, но уже укутало слепящим светом. В воздухе смешивались и растворялись запахи скошенной травы, пыли и упавших треснувших яблок, которые исходили соком и размечали асфальт почти круглыми коричневыми пятнами, похожими на пуговицы от рубашки великана.

Саша снова свернул и вышел к небольшой постройке, огороженной низким решетчатым забором, утопающей в кустах сирени и высокой траве. Ему никогда не удавалось хорошо разглядеть, что внутри, а верить кому-то на слово, что это всего лишь голубятня, не хотелось. Поэтому всякий раз, проходя мимо, Саша сбавлял шаг и старался увидеть обитателя загадочного зеленого домика. Вполне возможно, что здесь жила-поживала сухонькая старушка, которая заманивала в свой укромный уголок детей, задержавшихся затемно на игровой площадке неподалеку. Может быть, она сперва поила детей чаем с конфетами, а потом раскрывала пышущую жаром печь и... Хотя нет, печи там явно не было, ведь тогда была бы труба, а из трубы шел бы дым. Наверное, старушка была более продвинутой и пользовалась чем-то еще.

Но сегодня Саша не замер перед забором, не сбавил темп, а только оглянулся на секунду-другую, он вроде бы даже заметил какое-то движение около домика и почувствовал на себе долгий взгляд. Времени, чтобы убедиться в этом, не было, о чем напоминали часы, нетерпеливо попискивающие каждые семь минут.

Наконец переулочек влился в широкую Поспешную улицу, ведущую прямо к станции. Улица заполнялась людьми, следующими каждый своему ритму. Кого-то приходилось обгонять, кому-то уступать и не забывать уворачиваться от свежеприбывающих прохожих, тут и там вынырывающих из бесчисленных переулков. Справа нестройным рядом стояли машины; они то дружно вздрагивали и неуверенно двигались вперед, то обреченно останавливались, изредка издавая протяжный гудок — наверное, так же жалобно мог бы завывать зверь, попавший в капкан, или провинившийся пес, который понял, что натворил что-то не то и расстроил хозяина. Слева время от времени возникали белые и бледно-желтые ларьки и киоски.

Каждое утро они открывались, чтобы приманить ранних пташек, и каждое утро к ним никто не подходил. Только к полудню подтягивались женщины с колясками и седые мужчины в кепках. Первые долго рассматривали витрину, чтобы купить новенький журнал, вторые сразу спрашивали номер газеты, любезно отпечатывающей текст статьи на ладони, наверное, для забывчивых.

Саша обогнал двух болтливых старушек в ажурных белых панамках, и вскоре перед ним раскрыл зев подземный переход, также служивший входом на станцию. Чтобы сесть в поезд, нужно было преодолеть живую преграду в виде раздатчиков листовок — они хаотично перемещались по ступеням и не менее хаотично размахивали руками — и пройти продавцов свежих ядов, которые, аки сирены, пытались заманить всякого прохожего. «Вперед и только вперед», — пробормотал Саша, сделал глубокий вдох и смело сбежал вниз по лестнице. Только он собрался выдохнуть, как врезался в грузную женщину в красном фартуке. Впившись взглядом в серые Сашины глаза, она почти вопросительно произнесла: «Учеба и знания». «Что?» — переспросил Саша. «Учеба и знания», — повторила женщина, сверкая густо подведенными глазами и держа наготове свернутую, как для битья мух, газету. «Да, знания», — ответил Саша и поспешил ретироваться.

Пройдя турникеты, невидимой стеной отделяющие гам внешнего мира от культивированного покоя Конечной станции, Саша расслабился, достал из заднего кармана брюк вчетверо сложенный лист и перечитал:

«Уважаемые доноры!»

Чтобы сдаваемый Вами материал был максимально полезен, Союз убедительно просит Вас соблюдать следующие правила:

1. За 1 (один) месяц до дня сдачи материала категорически запрещается создавать либо редактировать тексты. Написание формальных писем, заявлений, объяснительных и других текстов, создаваемых по шаблону, допускается.

2. За 2 (две) недели до дня сдачи материала следует избегать любые предметы и явления, имеющие прямое или косвенное отношение к сфере искусства. Сюда относятся в том числе: посещения различных музеев, прогулки по паркам и усадьбам, выезды за город с целью приобщения к природе.
3. За 2 (две) недели до сдачи материала категорически запрещается участвовать в дискуссиях любого рода, если они допускают формирование собственного мнения и развитие собственных идей.
4. В день сдачи материала до момента окончания забора материала категорически запрещается пить, чтобы не допустить разжижения мыслей и ухудшения качества материала как следствие. С утра в день сдачи материала разрешается съесть 1 (один)—2 (два) сухаря из пшеничного либо ржаного хлеба или 1 (одну)—2 (две) галеты, не обладающие выраженным вкусом.

Союз ценит вклад всех доноров и благодарит их за помощь
в поддержании литературы!

Адрес Центрального пункта сбора материала:
г. Борисов, ул. Надежды Надежной, д. 33»

Дойти до пункта можно было от двух станций: от Боярской площади и от Сентябрьской. Саша решил, что определится с выбором по дороге, и зашел в поезд, радушно открывший двери перед ожидающими пассажирами. Саша пробрался в глубь вагона и схватился за блестящий поручень. Он переживал (Саша — не поручень, поручень старался не переживать по пустякам, возраст сказывался), что его не допустят до донорства, ведь соблюсти удалось не все правила. Не писал он всего 3 недели (однако медсестра по телефону уверяла, что это допустимо); книг хоть и старался избегать,

но волей-неволей заглядывал в чужие в транспорте и выхватывал по три-четыре строки, а иногда и больше; парков он не посещал, но дорога от дома до станции и от станции до дома пролегла через зеленую аллею. Чтобы не делиться мнениями, Саша ни с кем не встречался, но часто спорил сам с собой. А сухарь нашелся дома только один — сладкий, с гладкой корочкой и изюмом. Саша успокаивал себя тем, что медсестра обмолвилась о существенной нехватке материала и о необходимости собирать хоть что-то для Союза.

Пассажиры входили и выходили, сопели, шипели, ругались и хихикали в уголке. Саша любопытно рассматривал лица и позы, жесты, слушал обрывки долетавших фраз, наблюдая и запоминая этот день. На очередной станции поезд зачерпнул очередных пассажиров и в вагон вошла девушка. Даже не так — в вагон вплыла девушка, вплыла, не как плывет рыба или водоросль в городском пруду, а как плывет по небу облако в жаркий летний день. Но для Саши девушка словно возникла из ниоткуда, потому что сложно было представить, что она, как и все, ехала из пункта «А» в пункт «Б» по будничным делам. Саша смотрел и жалел, что может писать лишь тексты, а не картины, иначе бы он зарисовал ее образ — нежный, томный, неземной. Нарисовал бы (простите, написал) ее спящей в воздушном оранжевом платье, которое, как туман, окружало ее и колыхалось в такт движению поезда, нарисовал бы мягкие красные туфли, лентами обвивающие лодыжки и напоминающие о Греции и балете — о греческих балеринах, танцующих на песке, — нарисовал бы каштановые волосы, которые чуть выгорели на солнце и спадали на плечи.

Саша старался запомнить каждую деталь, чтобы поместить ее в специальное хранилище впечатлений. Вслед за девушкой он вышел из вагона, но замечтался и потерял ее в толпе. «Она вошла, как облако, и, как облако, растворилась», — подумал Саша. Вздохнув, он огляделся: «Хотя бы вышел на нужной станции», — и перешел на Коричную линию. Через несколько минут он уже поднимался по лестнице со станции Сентябрьская.

Жаркий воздух улицы, не прикрытой ни деревьями, ни кустами, ворвался в нос, разогрел легкие; во рту еще больше пересохло, и даже от вида фон-

тана, шумящего неподалеку, становилось некомфортно. До пункта сбора предстояло идти, рискуя растаять на горячем асфальте, еще минут десять.

— Отсюда двенадцать минут пешком до пункта, — услышал Саша за своей спиной чей-то неожиданно громкий голос. — Ты ведь туда идешь? Проводить?

Саша обернулся и увидел не очень высокого худого паренька в выцветших джинсах и поразительно узкой красной рубашке. Его короткие светлые волосы не то завивались, не то были взъерошены и всклокочены ветром.

— Так тебя проводить? Я Костик, — спросил Костик и представился.

— Да, спасибо. Саша, — ответил Саша. — А как ты понял, что я направляюсь в пункт?

— У меня большой опыт, — Костик рукой показал, куда идти, и бодро зашагал вперед. — Я легко узнаю нашу писательскую братию. Сам частенько сдаю.

— Насколько часто? Каждый месяц?

Костик ухмыльнулся:

— Каждые две недели не хочешь? Деньги всегда нужны. И правила вступления в Союз сейчас изменили, повысив требования.

— И что, тебя допускают к сдаче? Ведь ты нарушаешь правила. Я думал, за этим строго следят.

— Зря думал. У них там, в Союзе, что-то вроде кризиса. Союзные авторы стареют и хиреют, материала на всех не хватает, с пункта требуют перевыполнения плана по перевыполнению плана, поэтому медсестры стали закрывать глаза на нарушения. Берут кого попало, лишь бы человек мог написать хоть что-то, хотя бы анкету заполнить. Подожди минуту, жара невыносимая, — Костик отбежал к ближайшей палатке и купил бутылку воды. С тихим шипением открылась крышка, и в воздух попало множество мелких брызг, переливающихся в луче света. Костик жадно прильнул к горлышку и выпил залпом почти половину.

— Хочешь? — он протянул бутылку Саше. — Они не проверяют, можешь поверить. А горло у тебя скоро начнет болеть от пересыхания.

Саша неуверенно взял бутылку и сделал глоток, второй; стало легче, даже воздух вокруг стал легче и прохладнее.

— Спасибо, — Саша вернул бутылку. — Неужели они потом не поймут, что я нарушил правила? Ведь пишут, что вода может повлиять на качество материала.

— Нет, не поймут. Потому что бред это все. Как вода может влиять на строчки? — Костик снова ухмыльнулся. — Медсестры неправильно поняли фразу, что писатель, сдающий материал, должен жаждать. Вот они и придумали этот пункт. Никто ведь не уточнил, чего жаждать — крови, творчества или воды.

У Саши невольно вырвался смешок.

— Ты говорил что-то об изменении правил приема в Союз...

— Да, точно. Я сам туда хочу попасть с детства. Последние 4 года регулярно сдаю строчки, последние 4 месяца — каждые 2 недели. Если бы правила не изменили, через месяц подавал бы заявку в Союз. Ты ведь знаешь, условия там шикарные, не зря же это Союз писательской взаимопомощи! Квартиру дают, деньги каждый месяц выделяют, хоть ты даже и не пишешь уже год-два. А если пишешь, то написанное издают не успеет рукопись остыть. Пока печатают тираж, коллеги по Союзу выдают с десятков хвалебных рецензий, даже не читая твою книгу, другие коллеги печатают это в журналах, третьи расхваливают перед камерами. Поэтому когда книга появляется в магазинах, ее сметают, ее рекомендуют, в ней ищут смысл.

— А разве в Союзе когда-либо писали плохие книги? — задумчиво поинтересовался Саша. — Ведь многие из них стали классикой...

— Классические произведения хороши, я не спорю. Но пойми ты, нельзя быть гениальным творцом вечно. Можно написать один хороший роман, три пьесы, пять рассказов. Да пусть даже десять! Но ведь у них счет идет на десятки. Все не может быть хорошим. И состав Союза не менялся уже 50 лет, с момента его создания. Им нужна новая кровь, но они не хотят видеть новые лица в литературе. Именно поэтому и ставят невыполнимые условия для подачи заявки.

— Совсем невыполнимые?

— Ну... Почти. Раньше требовали три рукописи и три тысячи страниц, сданных в пункте. Теперь просят десять тысяч страниц, ты вдумайся, де-

сять тысяч! Я сдаю четыре года и еле-еле набрал две тысячи восемьсот. И ведь я мухлюю! А тут десять тысяч — зато ни слова о рукописях. Понимают, что никто не сдаст... Мы почти пришли. Скоро увидишь тошнотворный домик.

Через тридцать шагов Саша и впрямь увидел четырехэтажный грязно-розовый домик, своим видом напоминавший заветрившийся зефир, забытый в витрине маленького магазина на окраине города. Здание окружали редкие тополя и островки жухлой травы. От остального мира Центральный пункт сбора отделял забор из тонких черных прутьев, покрытый кусками старой краски и пылью. Костик сделал последний глоток и выбросил бутылку.

— Пойдем, — сказал он, — сейчас начнется самое страшное. Зайдем порознь, чтобы медсестры не заподозрили чего-нибудь. Тебе нужен центральный вход. Попадешь внутрь — иди к стойке регистрации, там тебе выдадут анкету. Не забудь указать, что никакие правила не нарушал, а то сразу отправят восвояси. Заполнишь анкету, отдай ее старшей сестре — она сама подойдет, когда ты встанешь в очередь вдоль стены. Как на расстрел, — Костик хмыкнул. — Дальше тебе все расскажут. Запомни одно: когда все закончится, езжай домой. Не встречайся с друзьями, не гуляй, только домой, чем быстрее, тем лучше. А дома ложись спать. Понял?

— Да, спасибо, — Саша кивнул. — Иди первым, а я за тобой. Хочу немного перевести дух. Нервничаю.

— Это нормально. Потом привыкнешь. Ну все, бывай, — Костик пожал Саше руку и быстро двинулся ко входу в зефирный дом.

Не решаясь сделать шаг, Саша выждал минуты три и все-таки последовал за Костиком.

Дверь центрального входа вызывала если не трепет, то неприятное волнение. Сизая, металлическая, она грозила захлопнуться и больше никогда не выпустить несчастного, который ее откроет. Над дверью золотом было написано какое-то обращение к всякому, входящему сюда. Но краска почти стерлась, и Саше не удалось разобрать ни слова.

Внутри оказалось неожиданнолюдно: молодые и не очень писатели группировались возле стен и немногочисленных скамеек, вжимались в углы, ходили взад и вперед от одного кабинета к другому. Стойка регистрации находилась ровно посередине холла, так что Саша без труда отыскал ее.

За высокой стойкой из белого пластика восседала миловидная медсестра в не менее белой форме, сшитой из поразительно плотной ткани. Воротничок чуть приподнимался, давая понять, что не собирается спокойно лежать возле шеи, а рукава и вовсе оттопыривались, боясь притронуться к коже. На нагрудном кармане формы была вышита эмблема Центрального пункта сбора материала при Союзе писательской взаимопомощи.

Медсестра сладко улыбнулась и тягуче произнесла:

— Добрый день, вы первый раз? Могу я чем-то помочь?

Саша на всякий случай оглянулся, проверяя, что за ним никого нет и что сестра обращается к нему, и поздоровался в ответ.

— Да. Я впервые, — ответил он, — мне нужно заполнить какую-то форму?

— Конечно же, держите, — девушка привстала и протянула из-за стойки свои длинные тонкие руки, которые держали два скрепленных сверху белых листа. — Вы можете заполнить их здесь, на скамейке или в любом другом месте в здании. Выносить формы из здания строжайше запрещено, — медсестра улыбнулась еще слаще и снова села, напрочь забыв о Саше.

Саша забрал анкету. Первый лист венчала та же эмблема пункта, что украшала одежду медсестер. Это был черно-белый рисунок, изображающий чернильницу, пухлое тело которой обвивало перо. С заостренного кончика пера в горлышко капали чернила. Саша никак не мог понять, почему Союз выбрал именно перо — ведь и ручками уже почти никто не пишет.

Анкета содержала ряд общих вопросов о том, кто ее заполняет, и требовала подтвердить соблюдение правил сдачи материала, грозя карой и отказом в случае дачи ложных показаний. Не успел Саша поставить подпись на последней строчке, как к нему подошла невысокая полная женщина в

форме, носящая на груди круглый металлический значок, который сообщал, что она является старшей медсестрой Центрального пункта в данный момент времени.

— Ну что, голубчик, все заполнил? — добродушно спросила она и, не дожидаясь ответа, забрала листы бумаги. — Пойдем теперь за мной.

— Хорошо, — Саша покорно последовал за ней.

Старшая сестра пересекла холл и указала Саше на очередь возле желтовато-бежевой неровной стены:

— Встань пока сюда, а я отопру кабинет и впущу вас, — она направилась к белой двери с чуть облупившейся краской, но остановилась на полпути и выхватила из очереди ссутулившегося паренька. — Чернов! Я тебе что говорила — не пущу еще раз! Ты неделю назад был, прошмыгнул мимо меня. Ну-ка вон, пока я тебя за шкурку не вытащила! И чтоб два месяца тебя не видела.

Чернов пытался сопротивляться, но получалось это у него из рук вон плохо. Он был похож на сдувшийся воздушный шарик, обреченно повинующийся малейшему порыву ветру. Глаза Чернова казались пластиковыми, как стол регистрации, веки темнели на тусклом, как калька, лице. Шаркая, он двинулся к выходу.

— Что с ним? — обратился Саша к соседу.

— Говорят, он несколько недель подряд приходил сдаваться, его уже выжали до строчки. А он все равно приходит. То ли деньги так нужны, то ли мазохист, — сосед безучастно пожал плечами.

Щелкнул дверной замок, и старшая медсестра пригласила ожидающих в комнату. Каждого она взяла за руку и подвела к его месту, что-то приговаривая и будто припевая. Когда ее мягкая ладонь коснулась Саши, он невольно вздрогнул.

— Не переживай, рыбка моя, это нестрашно. Сейчас сядешь в креслице, сразу успокоишься — и все пойдет как по маслу, — ворковала она и вела Сашу под руку. — Комнатка у нас уютная, в приятном полумраке и с творческой атмосферой, чтобы вы могли расслабиться и вдохновляться. Все для вас, зайки мои, все для вас.

Саша онемел. Комната не казалась ему уютной. Она даже комнатой не казалось — больше походила на увеличенную в размерах подсобку. В ней не было окон, свет исходил только от моргающих на последнем издыхании ламп, которые создавали совсем не приятный полумрак, от которого болели глаза. В центре комнаты, по кругу, стояли шесть кресел, которые уместнее смотрелись бы в кабинете стоматолога. В одно из них и усадили Сашу, который пытался лучше рассмотреть обстановку. Ноги пришлось ставить на металлическую подножку, крепления которой цепко схватили Сашины ботинки. Руки легли на жесткие подлокотники, и кисти тут же были обвиты широкими ремешками. Чтобы не было лишних движений, которые могут помешать сбору материала, как пояснила сестра. Рядом с каждым креслом стоял внушительных размеров бидон, от которого тянулись полупрозрачные трубки молочного цвета, присоединенные не то к большим очкам, не то к шлему. Медсестра уже прикрутила трубки к бидону рядом с Сашей и готовилась надеть странную конструкцию на его голову. В месте стыка, на уровне виска, трубки были примотаны к шлему синей изолентой.

— Скоро начнем, — убаюкивающе пропела старшая сестра, и Сашины глаза закрыл темный экран. — Вернусь за вами через два часа. Творите, деточки!

Что-то щелкнуло. Саша сделал глубокий вдох, однако это не помогло расслабиться. Перед глазами мелькали полотна художников, в уши вливалась классическая музыка, изредка прерываемая чтением стихов. Разбирать строчки было сложно — записи состарились еще до Сашиного рождения, помехи почти полностью перекрывали голоса авторов, поэтому Саша радовался, когда в очередной раз играла «Лунная соната» или «Весна» — композиции столь известные и привычные, что помехи не мешали воспроизводить в голове их звучание.

Череда русских пейзажей, всплывающих на экране, прервалась изображением козлоногого божка с пронзительно-грустными ледяными глазами. Саша было отшатнулся, но бежать от него было некуда. Картина застыла перед глазами, и оторваться от нее было невозможно, какой бы

страшной она ни была. Сердце стучало, словно хотело вырваться, изнутри подступала дрожь. Голова горела, и вместе с тем казалось, что из самой глубины разума кто-то вытягивает холодные тонкие нити, бесконечные и жалящие.

Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, Саша попытался пошевелить руками, но ремни не давали этого сделать; старался сосредоточиться на музыке, но она казалась оглушающей и причиняла еще больше неудобства. Каркас кресла врезался в спину, ноги затекли, а голова вот-вот должна была разлететься на тысячи осколков.

Время тянулось мучительно медленно, возможно, и вовсе остановилось. Но, нота за нотой, картина за картиной дрожь утихала, сердце успокаивалось, голова остывала. Стрелки часов возвращались к привычной скорости, кресло больше не казалось неудобным. Саша расслабился.

В конце концов музыка стихла, картинки пропали и старшая сестра сняла шлем с его головы. По трубкам струился не то пар, не то туман — материал, как подсказала сестра, — и стекал в алюминиевый бидон рядом. Саша потянулся и осмотрелся. Комната была погружена в уютный полумрак. Другие доноры уже двигались к выходу в холл, и Саша поспешил за ними.

Стены холла казались светлее, а сам холл будто раздулся изнутри, чтобы вместить еще больше посетителей. Рядом с дверью толпилась новая порция доноров, и теперь медсестра курлыкала с ними, не забывая, однако, бросить последний взгляд на тех, кто выходил. Она слегка тронула Сашино плечо и шепнула на прощание:

— Не переживай, золотце, скоро пройдет. Будешь как новенький! Ступай.

— Спасибо, — машинально ответил Саша, не понимая, о чем она говорит. Он чувствовал себя совершенно нормально, только хотелось пить и в груди будто стало больше воздуха — не свежего воздуха, которым улица наполняется по утрам, а воздуха, заполняющего комнату старого дома, где жили бабушка и дедушка и где уже давно нет ничего, кроме мебели и пожелтевших обоев.

Окно напротив стола регистрации венчала пышущая важностью надпись: «Выдача донорских гонораров». Саша покорно встал в очередь. Разглядывать было нечего, посему оставалось только ждать, ждать, ждать и верить, что скоро назовут твое имя.

— Следующий! — рывкнуло окно. Имени никто называть не собирался. Не то чтобы это было сложно, просто окну было плевать на имена, фамилии и на много другое.

Саша подошел и собрался поздороваться, но окно торопилось:

— Ставьте подпись! Не задерживайте очередь! Сколько тут? 400 строк. Ваш конверт. Следующий!

Он забрал помятый конверт с пятью купюрами внутри и поспешил на воздух. У выхода Саша заметил кулер с водой, залпом осушил стакан, потом другой, пальцами сдавливая тонкий белый пластик. Стакан полетел в мусорку к десятку своих собратьев.

Дверь скрипнула проржавевшими петлями, и улица оглушила ревом проезжающих машин, стуком каблучков, гулко отскакивающим от асфальта и непрекращающимся разговором снующих туда-сюда пешеходов. Идти обратно к Сентябрьской станции не хотелось, поэтому Саша повернул налево и двинулся к Боярской площади.

По обе стороны дороги блестели витринами магазины, мужчины в жарких темных костюмах, хмурясь, кричали в свои телефоны и совсем не смотрели на дорогу, которую спешно отмеряли шагами. На этой улице никто не смотрел по сторонам и думал только о своих делах, о своем отдыхе, о своей усталости. В любое другое время Саша зацепился бы даже за это, мысленно составил заметку и спрятал в архив собственной памяти, но сейчас окружающее было ему безразлично. Он только шел, дышал, вспоминал советы Костика и всем телом ощущал непривычную тяжесть плотного неподвижного воздуха.

Улица — прямая и как будто составленная из одинаковых деталей конструктора — скоро привела к монументальному краснокаменному входу на станцию, и Саша спустился в подземку. Он спокойно зашел в подъехавший поезд и встал, опершись спиной на поручень и вперившись взглядом в окно, через которое можно было видеть другой вагон.

В груди что-то медленно шевелилось, сгущалось, сворачивалось в тугой клубок. Сашу начинало подташнивать, хотелось поскорее очутиться дома и скрыться от любых помех и раздражителей. Эмоции не то испарились, не то уснули, может, остались в Центральном пункте сбора материала, Саша не знал. Становилось пусто.

Поезд мерно ехал по нескончаемому темному тоннелю. Вагон впереди раскачивался, наклонялся, подпрыгивал. Иногда он напоминал большую игрушку, которую за крышу придерживает испачканная зеленым фломастером рука пятилетнего мальчика, иногда казалось, что вагона нет, а есть только экран, на котором показывают скучную запись трясущегося вагона. Все это нагоняло дремоту.

— Станция Конечная, выметайтесь на платформу, — голос машиниста прогремел по всему поезду.

Саша вздремнул, вздрогнул и, кажется, даже подпрыгнул от неожиданности. Объявление вырвало его из сонного оцепенения. Платформа была почти пуста. Бледно-серая плитка, которой было отделано все, что только можно было ей отделать на станции, была начищена и блестела так, что резало глаза. Раздатчики листовок сложили свои руки-мельницы, шептались с торговками и недобро посматривали вокруг. Вяло поднимаясь по лестнице, Саша тщетно пытался сбросить липкие остатки дремоты; клубок в груди стал плотнее, однороднее и застыл гладкой сферой, которая двигалась в такт дыханию, оттягивая плечи и голову вниз.

Небо с разных своих концов собирало тучи, а ветер, разогреваясь, порывисто дул, выхватывал мусор из кустов и выносил его на дорогу, чтобы редкий прохожий подобрал обертку-другую и выбросил в урну. Увы, редкие прохожие сегодня были особенно редки.

Саша возвращался домой, стараясь ни о чем не думать и ничего не замечать. Асфальт разворачивался под ногами, то вспучиваясь, то пропадая в ямках, трескаясь под напором травы, крошась от старости. Рядом пробегали дети, проезжали поскрипывающие коляски, мужчины в кепках шли, шурша свежей газетой, а бабушки в ажурных панамках довольно направлялись к лавочкам.

Саша свернул, прошел мимо старой заросшей голубятни, мимо детской площадки, заливающейся смехом и повизгивающей, мимо шелестящих яблонь. Ветер закончил разминку и задул изо всех сил.

Загудело, зашумело, загрохотало. Гром оглушил всех, кто не успел убежать, и небосвод покрылся сотней трещин. Голубая глазурь стала отваливаться, открывая грифельную наготу неба. Куски глазури таяли и впечатывались в землю крупными каплями. Покрываясь бусинами дождя, Саша подходил к дому.

Возле подъезда рабочие бросили гору горячего асфальта. Пар от него поднимался, чтобы раствориться в водной стене. Пахло прохладой и мокрой пылью. Саша делал вдох за вдохом и никак не мог надышаться. В груди ныла пустота, сердце сдавливала тоска о том, чего никогда не было и быть не могло.

Он чувствовал себя больным, хотя не был болен. Вероятно, об этом и предупреждали медсестра и Костик. Вероятно, это — творческое истощение, невозможность написать ничего, кроме объяснительных и заявлений. Вероятно, именно этого стоят пять неновых купюр, которые лежат в заднем кармане колючих брюк.

Размышляя об этом, Саша поднимался в квартиру, прокручивая в пальцах кольцо, неизвестно от чего удерживающее ключ. Саша разулся, прислушался к тишине родного дома — к той особой тишине, которая позволяет не замечать соседских ссор, работающего через стенку телевизора и таракания поливальной машины по утрам. Квартира была спасением от суеты, пещерой, которая хранила вещи, а не тени.

На кухне жужжала заблудшая муха, то и дело врезающаяся в заклеенное темной пленкой окно и совершенно игнорирующая распахнутую настужь форточку. На столе лежал пакет от сладких сухарей, которые оставили после себя след из хрустящих коричневых крошек. В темной ванной Саша долго мыл руки, наблюдая, как уходит вода и желая, чтобы вода смыла еще и усталость. Свет включать не хотелось, он был бы неуместен. На зеркале виднелись следы от высохших капель. Саша долго смотрел на свое отражение, не узнавая не то его, не то себя.

Он прошел в комнату и, не раздеваясь, упал на кровать, лицом уткнувшись в подушку. Пустота давила снизу, усталость наваливалась на спину, тоска заливалась в уши. Как мантру, Саша шептал: «Это пройдет, это скоро пройдет, очень скоро пройдет». Это уже проходило.

Возможно, дело было в мягкой подушке, возможно, мантра работала, но скоро Саша заснул спокойным сном — без мечтаний, без надежд, без впечатлений, без девушки в летящем оранжевом платье.

Впрочем, о девушке он вспомнил уже утром.

Чашка чая

Смотрела в *ОКНО*
Вчера там, за окном, падали размоченные овсяные хлопья.
млечный путь расплескался – капли попали в чашку английского лорда.
Небо серое – терпкий *Байховый чай смуглеет*
его запах больше не раздражает простуженного соловья,
который медленно перетекает с одной стороны улицы на другую,
идет мимо Чайного магазинчика, мимо чайной,
мимо жилого дома, где сейчас неразобранная мама *готовит*
сладкие булочки к чаю – завтрак для своего малыша.
Малыш забирается на табуретку, оглядывает кухню
в которой стынет светлая *янтарная* *консервация* *с Винни Пухом*
Этот чай сладкий – не бодрит, не вгоняет в сон, но *согревает*.
Мама позвала –
малыш резко повернулся, опрокинув нечаянно чашку!
Проходит дождь, чаша тикают, простуженный прохожий
идет бредом по улице, которую *забивают смола* *фигурки*
кошачьи свет чайной, электрический всплеск
фар, размешивающий темноту
Магазин
Вечер. Смотрю в окно. В ладонях шепчет, остывая,
черный байховый чай.

Диалект

Ты говоришь со мной на странном языке. Языке полутонов, полунамеков, полуосознанных междометий, милых полуулыбок и доверчиво тянущихся ко мне рук. Сейчас твоя речь — всего лишь небольшая палитра звуков, и, выбирая один из них, ты пытаешься донести что-то новое этому миру, передать свое восприятие, ощущение, отношение к чему-то, мне уже не заметному. Ты не делишь дни на часы, год — на недели и месяцы. Понятия времени еще не существует для тебя, как не существует и конца-начала. Наверное, поэтому ты будешь убежден в своем бессмертии. Но подрастешь еще — и уже беспрепятственно сможешь осыпать взрослых ярким конфетти из вопросов, многие из которых останутся без ответа.

Маленький актер, ты хохочешь и плачешь, корчишь гримасы и хитро, совсем по-взрослому, прищуриваешься — все это для того, чтобы получить желаемое: оказаться на руках и потрогать колокольчики. Найти их можно везде — в коридоре (блестящие красные трубочки), на кухне (металлический «ветер»), в ванной (серебристые пластинки, за них ты хватаешься после купания), большие золотистые колокола под советской люстрой, оставшиеся после какого-то Нового года, между которыми спрятался маленький бубенчик, — твои любимые. Их звучание приводит тебя в такой же восторг, что и встреча с кошкой — желанным собеседником, который упорно не обращает на тебя внимания.

Точно турист, не знающий местного наречия, ты общаешься, пользуясь языком жестов. Когда радуешься, машешь рукой; сжимаешь и разжимаешь пальцы, желая схватить что-то, а увидев что-то новое, интересное, вытягиваешь личико и открываешь рот так, что он становится похож на маленькую луну, а глаза — на лучащиеся капли осеннего неба.

Довольный собой, ты произносишь: «Буу!», «Ааоуиии», — отвечаешь на вопросы деда. Солнечный смех звучит, когда ты видишь маму, и, используя все, что только умеешь воспроизводить, ты рассказываешь мне о том, что тебя беспокоит. Ты говоришь на странном языке, которому скоро будет год, но я тебя понимаю.

Созвучия

* * *

Э то можно напеть, если очень захочешь,
Или с надрывом громко читать,
Выбрасывать в воздух густой и непрочный
Впопыхах зарифмованный смрад.

Это можно читать с листа и на память,
Пальцами дергая складки жабо,
Или нашептывать, вмиг забывая
Строк и созвучий лицо.

Это можно забыть, это можно запутать,
Исписаться и рукопись сжечь.
Можно сыграть шута или плута
И голову сбросить с плеч.

* * *

Я просыпалась. За окном гремело,
Иголки вскользь наметывали лужи,
И чьи-то руки рисовали мелом
Узоры тысяч разноцветных кружев.
И чьи-то пальцы разметали листья,
Взъерошив головы рассветных кленов,
Ответив сотне безответных писем,
Упрекам беспробудных почтальонов.

Я просыпалась. Холодело небо,
Покрытое растрескавшейся коркой
Мучных, белесых облаков незрелых,
Живущих на рассвете так недолго,
Влекомых солнцем, солнцем же согретых —
Оно лучами расчесало просинь.
Я думала, что это было лето.
Я ошибалась. Начиналась осень.

* * *

Переливаясь сонмами созвучий, плыву в небытие
беззвучной черноты вселенной, объятай светом звезд.
И падаю. Последнее паденье среди тонов, полутонов оттен-
ков и запахов, вползающих змеей
в меня, мое всеощущенье и бесконечность цветобытия
в пространстве-времени, в сети вибраций
и ароматогаммах,
в возбужденном уме слагающих слова
в калейдоскоп картинок и абстракционов,
струящихся сквозь веки, через пальцы
и рушащих все планыпланыпланы.
И чувствами снимая цепи с рук, я погружаюсь,
И я часть вселенной, покоящейся вечно на струне.
Я вижу звуки, слышу запах света и в свете таю.
Плыву в беззвучной темноте вселенной,
И свет во мне.

* * *

Вдыхаю запах стынущей воды,
Он подплывает к самой кромке неба,
Сегодняшний нелепый поводырь —
Он говорит, куда забросить невод,
Чтоб выцепить охапку желтых лап,
Кружащих под колесами трамвая,
Кружащейся как будто невпопад
Шкодливой разноликой стаи.

К воде крадутся вспышки пленных ламп,
И от воды плетется паутина,
Которая разделит пополам
Мой мир и пруд, что еле слышно стынет.

Евгения Онегина

г. Брянск

Это только слова

Все, что я могу тебе дать, —
это только слова.

хлестать ими по лицу,
прикасаться небрежно.
а поймаю твой взгляд опять —
и едва ли жива.
я, как узник, стою на плацу.
экзекуция — нежность.

и внутри обрывается все,
забываю дышать.
сердце с уханьем падает вниз
переполненным лифтом.
ты красавец, мудак и козел,
но какая душа!
может, это любовь? извини.
мои мысли убиты.

все, что я могу тебе дать, —
это только слова:
провести невзначай по щеке —
будто в прорубь шагнуть с разбегу.
ни за что не решусь живьем.

обожаю минуты, когда
я в истоме и легкой тоске,
и ласкаю своим жестковатым,
полулитературным твоё
набухающее от важности эго.

p.s. мои жесты всегда — почти.
мои взгляды не терпят жалости.
мои строки просят: прочти
и молчи. и молчи. пожалуйста.

если ты блюдо,
то я последний гурман,
вконец потерявший рассудок.

если ты дурь, то
я сторчавшийся наркоман:
исколотой куклой вуду
шатаюсь в поисках дозы.

если ты лихорадка —
то я безнадежный больной,
но боль моя стала сладкой
и даже почти родной.

а если совсем серьезно —
ты все, что во мне осталось,
и я не жду ничего.

но если любовь — это танец,
то я хочу, чтобы ты вел.

пока модели едят свое ничего на ужин,
а толстухи завистливо смотрят в витрины кафе,
я отчетливо осознаю: мне никто не нужен.
даже ты. жаль, не мой, но любимый трофеей.

я готова была отдать свою лучшую музу,
получив тебя настоящего вместо нее.
я готова была разгребать твой душевный мусор
и по-детски бояться остаться вдвоем.

я готова была сочинять на ходу не в рифму,
на твоём предплечье от нежности умирать
и дышать в учащённом дичайшем ритме.
воровать поцелуи. знакомым врать:
«ой, да ладно вам, ничего между нами нет!»
и надеяться, что ты думаешь обо мне.

а меня окружают до боли смешные люди,
объясняющие, почему мне нельзя курить.
знаешь, в чём преимущество сольного рукоблудья?
в том, что после не нужно ни с кем говорить.

на горизонте Останкино.
снизу — шоссе. чашка чаю.
руки мерзнут, деревья седеют желтым.
осень снижает ставки на
прошлый апрель. скучаю
до способности в спину орать «пошел ты!».

город силится спать, торопясь огнями
скрыть усталость железных холодных век.
я запуталась в том, что теперь между нами,
но тебя слишком много в моей голове.

просто холодно. нет никаких трагедий.
счастье знать, что ты есть и
сейчас, на одном из ста тысяч балконов,
точно так же стоишь, обо мне не помня.
не мешаю. ты слишком красив свободным.
этим можно согреться.

Городами

* * *

Нева во льдах. набережные — в огнях.
холод, как в детстве, обжигает щеки.
за гранитом набережных останавливаешься у реки. защи-
щаешься от шумового натиска машин и слышишь, как незрелые льды
не доживают до весны.

— билет Санкт-Петербург — Москва, пожалуйста...
— вам в один конец?
— да.

Февраль. наконец-то. не морозно-оптимистическая подделка, а настоя-
щий, депрессивный, серый-ветренный, с мокрым снегом и слякотью. люблю
его нежно, как осужденный своего палача.

три дня пешеходить Васильевский остров в ветреную погоду рубежа вес-
ны — удовольствие редкое.

казалось бы, непоколебимая логика василеостровских линий иногда
дает сбой.

старые дома — это большие расстояния. и, конечно... как же прекрасен этот остров на рубеже, в звенящем ожидании весны, в этом почтимарте! если бы у меня был фотоаппарат, встроенный в сетчатку, я бы показала вам это великолепие. но — придется сохранить эту красоту у себя. и, честно говоря, не очень я и жалею по этому поводу.

был чудесный большой октябрь, когда чувствуешь жизнь, как амеба — химический раздражитель. эти желтые листья, небо, солнце, в лучших традициях Левитана, только лучше: обожаемое мною динамичное урбо, когда, даже в условиях всепетербургского уныния и размеренности, сердце меж ребер подтанцовывает дикую джигу и дух захватывает, как от первой в жизни сигареты.

янтарные фонари и уютные огни. от всего исходит тепло. предчувствие чуда в предчувствии осени...

обожаю троллейбусы. конечно, еще и трамваи. за то, что они лишены спешки и скученности людей. гуманность в уважении к личному пространству. прелесть неспешности.

я села, как обычно, у окна. купила десятирублевый билет за золотую новенькую монету. билет оказался несчастливый, но на обратной стороне не было рекламы. а был следующий текст:

идеальное время никогда не наступит.

вы всегда

либо слишком молоды, либо слишком стары,

либо слишком заняты, либо слишком устали,

либо еще что-нибудь.

если вы постоянно беспокоитесь

о выборе идеального момента,

он никогда не наступит.

цени момент.

я верю в чудеса. я верю, что такие записки приходят многим. но только тот, кто обращает на них внимание, является подлинным адресатом.

запах — это очень важно.

это то, что останется в твоей памяти, даже когда краски сотрутся, а имена забудутся. впрочем, имена забываются первыми.

это то, как пахнет время.

ночами, нагло-белыми, невыносимыми, трогаю пальцами время. не в состоянии остановиться, терблю его, как последнюю нить жизни. нет, не нить — струну. стальную, подобную тем, что так нерегулярно терзают подушечки моих пальцев и успокаивают душу. черный телефон на стене, двор-квадрат в окне, старая сырая парадная, синий «честер», капли по лицу, музыка, рвущаяся изнутри, холод-холод-холод... какой-то никчемный чужой неспраздничный праздник. снова холод.

Одновременно

С ижу в кафе с Набоковым, пью свой кофе, пишу... жестом прошу счет.

подходит официант, улыбается, кивает на тетрадку:

- письмо дедушке пишете?
- ага, дедушке морозу...
- и как, сбывается?
- а то!
- а вы прочтите мне, чтобы я знал, как писать, чтоб точно сбывалось...
- главное — искренне, то, что думаете, пишете.
- а вы так много написали... много думаете, значит... наверное, эрудируете часто?
- о да! каждый день эрудирую, пока никого нет дома.

- вы близко общаетесь сейчас с ней?
- ну, на прошлой неделе я выпила весь ее бар и потребовала денег на такси... видимо, близко.

главное, чтобы не было так:

- кто отец твоего ребенка?

— Джек...

— ???

— Джек Дэниэлс.

...и мы почти одновременно перешли на виски, на ты и в его комнату.

кажется, у меня ослабевает воля к жизни. Это я поняла по исчезнувшему желанию курить...

«я в щци. сегодня весь день пью и читаю один и тот же роман!»
это мой приятель, прожигатель жизни и ловелас, добрался до Буковски...

хочу напиться. до потери самосознания, стыда и, возможно, макияжа.

есть люди, которых за их наглую довольную морду и острый язык хочется избить. но вдруг ты понимаешь, что последнее слово в предложении лишнее.

любопытная вещь из детского сознания.

когда мне было года, наверное, 4, я думала, что слово «Цой» нехорошее, потому что его писали на стенах и заборах. и потому что оно ТОЖЕ ИЗ ТРЕХ БУКВ. а не менее часто встречавшаяся надпись «В. Цой» мне казалась совсем нелогичной, во-первых, из-за точки после предлога, во-вторых, из-за какой-то неправильной падежной формы ругательного, как мне тогда казалось, существительного.

вероятно, я была очень интересным ребенком.

Железная стена понимания

Я хочу, чтобы Париж, середина XX века, мы сидели в кафе на Монмартре, за окном на мостовую лил дождь, мы пили вино... и чтобы я была Эдит Пиаф

этот человек читает меня как книгу. и более того — не смотря в строки, угадывает, что будет дальше. и он знает, что между строк.

однажды начав эту череду предательств (помните у Кундеры?), ты уже не можешь остановиться, выбирая лишь то, что тебе действительно надо. оставляя ненужный город, расставаясь с надоевшими приятелями, с которыми больше не о чем говорить, выбрасывая старые джинсы...

сначала это происходило легко и как-то само по себе. но, чем дальше, тем ценнее каждый день, минута... поэтому надо учиться рубить резко, четко и с хрустом.

осознание своей всеобъемлющей внутренней пустоты растет и распирает. как пустота может давить изнутри? может, она более насыщенная, чем эта ваша киселевая любовь, которую вы так холите и лелеете, чтобы не оказаться лицом к лицу сами с собой? или — вы мудрее меня, можете жить счастливо?

мне скучно общаться с людьми, скучно быть с собой — сами понимаете, к концу записи вам надоест эта моя пластинка, а человек внутри меня крутит ее круглые сутки.

вечно раскалывающаяся голова из-за злополучных сосудов и традиционной пачки крепчайшего табака в день. с этой болью невозможно спать, невозможно дышать. к этой боли нельзя привыкнуть.

пора прекращать. прекратила. теперь у меня нет этого маленького удовольствия — дымить...

я сделала и это.

не могла молчать. вот и сказала. страшные-5-букв-первая-л.

тут реакция не важна. просто сказать.

реакции не видела.

потому что сказала я об этом чаю, стоящему передо мной. чай не отреагировал никак.

я боялась посмотреть в эти глаза, потому что в моем взгляде могло быть слишком явное желание взаимности. даже — требование.

ну, впрочем, похоже, я наткнулась на железную стену понимания.

...растерять друзей, ощущения, себя...

мечтать о прошлом,

ненавидя пресное настоящее, от которого все равно уже никуда.

это как закрыть себя на замок в комнату и выбросить ключ в маленькое окошко, в которое воздухом, разъедающим легкие, кусочками, молекулами, запахами проникает нелепая, ненужная, ядовито-сладкая... — свобода...

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Оглавление

<i>ПАЛИТРА ЗВУКОВ</i>	5
Евгения Матвеева.....	7
Евгения Онегина	31
Ольга Редкоп.....	45
<i>ПРО ТО И ПРО ЭТО</i>	67
Юрий Максименко.....	69
Александр Галяткин, Юлия Фадеева.....	91
Люба Лебедева.....	111
Евгений Вишневский.....	115
<i>ПОКОЛЕНИЯ</i>	125
Тамара Смирнова	127
Александр Гудимов.....	145
Роман Есиков.....	173
Эмиль Крупеников.....	185
Вадим Кирьянов.....	215
<i>КАК ОРИГАМИ</i>	243
Рустам Нуриев	245
Николай Базылев.....	275
Кирилл Аркадьев.....	285
<i>ОТБЛЕСК МИНУТЫ</i>	295
Александра Полянская.....	297
Елена Владимировна	311
Роберт Конца	329
<i>АЗБУКА</i>	335
Юрий Мокряков	335

Антология живой литературы

ЦВЕТ АЛЫЙ

Редактор: А. Теркель
Художник: Е. Вишнеvский
Дизайн обложки: П. Домбровский
Корректор: Т. Брылёва
Верстальщик: О. Ершова

Главный редактор: И. Знаешев

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, Гороховая ул. 25,
(812) 571-68-54

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.musbooks.ru

Подписано в печать: 25.04.2013

Формат 70x100/16. Объем: 32,5 усл.-печ. л. Печать офсетная.

Тираж: 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А